ВЫЧИЩЕННЫЕ

Его не стёрли. Его вычистили. И это хуже

18+

Jack Stails & Voindin

Jack Stails

Вычищенные

«Автор»
2026

Stails J.

Вычищенные / J. Stails — «Автор», 2026

Тридцать лет он писал чужие формулировки — так, чтобы бумага была верной и ни к чему не обязывала. Теперь он сам в комнате, где раскладывают три папки углами к краю стола. Он не просит считать его невиновным — просит считать его нанятым.«ВЫЧИЩЕННЫЕ» — роман в материалах следствия: шестнадцать объяснений, реконструированные документы и рукопись, которую следствие получило последним. Заказчика нет — есть цепочка: фонд, институт, подрядчик, я. Преступления нет: нарушать не потребовалось. Порядок не запрещён. Порядок запрещает.Третья книга серии «ПРОЖЖЁННЫЕ — ОБОЖЖЁННЫЕ — ВЫЧИЩЕННЫЕ». Серия читается в любом порядке; третья — последняя по счёту и первая по смыслу: здесь всё сошлось. И это хуже, чем не сошлось.

© Stails J., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. ПРИЗНАНИЕ 6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СВИДЕТЕЛЬ 7
ОБЪЯСНЕНИЕ ПЕРВОЕ. КТО НАНЯЛ 7
ОБЪЯСНЕНИЕ ВТОРОЕ. ФОРМУЛИРОВКА 10
ОБЪЯСНЕНИЕ ТРЕТЬЕ. ГАЛЕРЕЯ 14
ОБЪЯСНЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ. КАССА 17
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Jack Stails
Вычищенные

ВЫЧИЩЕННЫЕ

Роман в материалах следствия

Третья книга серии: ПРОЖЖЁННЫЕ — ОБОЖЖЁННЫЕ — ВЫЧИЩЕННЫЕ

Jack Stails & Voindin

«Всё сошлось. И это хуже, чем не сошлось.»

Это художественное произведение. Персонажи вымышлены. Документы, выписки и служебные бумаги являются литературными реконструкциями; статистические ряды и цитируемые данные соответствуют открытым публичным источникам. Все совпадения с реальными людьми случайны.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ. ПРИЗНАНИЕ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СВИДЕТЕЛЬ
ОБЪЯСНЕНИЕ ПЕРВОЕ. КТО НАНЯЛ
ОБЪЯСНЕНИЕ ВТОРОЕ. ФОРМУЛИРОВКА
ОБЪЯСНЕНИЕ ТРЕТЬЕ. ГАЛЕРЕЯ
ОБЪЯСНЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ. КАССА
ОБЪЯСНЕНИЕ ПЯТОЕ. ЦЕНА
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ОЧНАЯ СТАВКА
ОБЪЯСНЕНИЕ ШЕСТОЕ. СТИРКА
ОБЪЯСНЕНИЕ СЕДЬМОЕ. СРЫВ
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. СЛЕДСТВИЕ НАОБОРОТ
ОБЪЯСНЕНИЕ ВОСЬМОЕ. ПЕЧАТЬ
ОБЪЯСНЕНИЕ ДЕВЯТОЕ. РАЗДАЧА
ОБЪЯСНЕНИЕ ДЕСЯТОЕ. БУНТ
ОБЪЯСНЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ. СМЕРТЬ
ОБЪЯСНЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ. КРУГ
ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. ТОЧКА СБОРКИ
ОБЪЯСНЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ. НАВЕРХ
ОБЪЯСНЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ. ДОСТУП
ОБЪЯСНЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ. ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ОБЪЯСНЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ. РУКОПИСЬ
ЭПИЛОГ. ОПИСЬ ИЗЪЯТОГО

ПРОЛОГ. ПРИЗНАНИЕ

Анкета — одна страница. От руки. Почерк выровнен, нажим равномерный: так пишут люди, которые годами готовили чужие формулировки. Половина граф — служебные; их заполняла не его рука.

ИЗ АНКЕТЫ (от руки):

Год рождения — заполнен.

Семейное положение — вдовец.

Статья (предполагаемая) — пустая.

Суть заявления: «Прошу приобщить. Не прошу считать меня невиновным — прошу считать меня нанятым.»

Пометка на полях: ноль-ноль.

Ниже — материалы проверки. В графе «вид процессуального действия» машина пишет: объяснение. Слово «допрос» в бумаге не встречается: у допроса есть сроки, у объяснения — продления. Продлений уже два.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СВИДЕТЕЛЬ

ОБЪЯСНЕНИЕ ПЕРВОЕ. КТО НАНЯЛ

Объяснение. Начато 14 апреля в 10:20. Личность установлена анкетой. Об ответственности предупреждён.

Комната была меньше, чем в моих сметах. Тридцать лет я оплачивал залы, где помещаются те, кто подписывает, — здесь помещались двое. На столе диктофон с индикатором записи, графин, рядом стопка бумажных стаканов. Я узнал комнату раньше, чем человека: такие залы я годами писал в сметах строкой «обеспечение мероприятия». В них я не входил — в них входили те, за кого платила строка. Теперь строка вошла в меня.

Следователь разложил перед собой три папки — углами к краю стола, ровно, как раскладывают инструменты. Прочёл вслух, что я вправе не давать объяснений: голос ровный, ни одного сокращённого слова. Потом нажал клавишу диктофона — внутри щёлкнуло и зажёгся красный огонёк записи. Тридцать лет я лежал по ту сторону красной точки — и не знал, что она смотрит.

— Кто нанял?

— Никто.

— Нанимают людей. Кто вас нанял?

— Фирма, которую нанял консорциум, который финансировал фонд, который называется независимым. Цепочка не изучается — она оплачивается.

— То есть вы не знаете заказчика.

— Заказчик — это очередь. Фонд, институт, подрядчик, я. Я не заметил разницы, пока не сложил две подписи рядом.

Он записал слово «очередь» и подчеркнул его. Я заметил подчёрк — так заметна рука человека, который ещё верит, что за словом стоит человек.

— Какие подписи?

* * *

Контора, конец дня. В коридорах погашено; у меня горит лампа.

Я раскладываю папки по порядку — руки делают это сами. Сверху отчёт западного института, снизу сводка нашего подрядчика. Английский я пробегаю бегло, как всегда. Русский текст меня зацепил.

Тот же порядок слов.

Я кладу листы рядом, выравниваю по краю — как кладут документы под подпись. Седьмая строка — туда и обратно, туда и обратно. За окном темнеет.

Копировальный автомат в конце коридора свободен. Две копии, одна за другой; в пустом здании звук аппарата слишком громкий.

Папки возвращаю на место, вниз.

* * *

— Утром вы подписали то, что лежало сверху?

— Отказов не было. Была утренняя подпись.

— Вы описываете машину. Кто её собрал?

— Никто. Не было совещания, на котором решили собрать машину: были сметы, конкурсы, отчёты. Каждый подписывал своё — целое сложилось само, как очередь в буфете.

— Кто начал?

* * *

Подвал под конторой. Лампу не гасят — круглосуточно, для тех, кто с ночными сменами. Пахнет мелом и старым табаком.

Он ходит вокруг стола, не прицеливаясь. Просто ходит. Удар: шар катится мимо лузы, бьётся о борт и встаёт.

— Проект закрываем, — говорит он, не глядя на стол.

— Что значит закрываем?

Он кладёт кий, вытирает ладонь о брюки.

— Значит, мы его никогда не начинали.

На подоконнике графин и два стакана, рядом початая бутылка виски. Он наливает по пальцу, не спрашивая. Мы доигрываем партию: он выигрывает неловким ударом от борта и впервые за вечер усмехается.

* * *

— Письмо о прекращении финансирования я писал четыре ночи. Подписали трое. Ни одного слова из подвала в нём не было.

— Вы описываете заговор.

— Я описываю смету. Заговор — это когда заодно те, кто друг друга не знает. Это как раз этот случай.

— Как вас наняли?

Меня не покупали. Меня нанимали. Купленный знает, что продался. Нанятый думает, что работает.

— Имя. Кто ставил первое задание?

* * *

Переговорка на третьем этаже. Стеклянная перегородка; кондиционер дует сильно — в переговорке холодно, сидеть долго не хочется. Заняты двое.

Человек в светлом свитере не представляется. Кладёт передо мной черновик — не мой — и тычет пальцем в абзац:

— Здесь сказано «выжать». Перепишите.

— Для кого бумага?

— Для тех, кто её прочитает.

Он поворачивается к окну: смотрит на парковку.

Я переписываю абзац за двенадцать минут и читаю вслух. Он не слушает. Собирает листы, встаёт; уже в дверях возвращается на полшага — кладёт на край стола счёт отеля, лицом вниз.

Я сижу немного. Переворачиваю: оплачен. Кем — неизвестно. Бумажка, за которую кто-то уже заплатил, ничего не доказывает и ничего не обещает. Я выкидываю счёт в урну в коридоре.

* * *

— Имени не знаю: не представился. Абзац я переписал. Счёт выбросил.

— Фонд сертифицирован. Это документ.

— Это паспорт честности. Машина выдаёт себе документы так же, как составляет себе смету, — сама себе и выписывает. Проверьте сертификат: там всё честно. В этом и ужас — документы в машине честнее людей.

ВЫПИСКА ИЗ СОГЛАШЕНИЯ О ФИНАНСИРОВАНИИ (реконструкция)

«…донор вправе согласовывать назначения на руководящие должности получателя;

получатель публикует перечень доноров в открытом доступе;

стороны подтверждают приверженность принципам независимости редакционной политики…»

Источник — открытое соглашение расследовательской сети, действующее с момента её основания. Выжимка обрывается на третьем пункте: дальше идёт перечень доноров, и перечень длинный.

Пометка на полях: вето на имена.

— Прочитайте третий пункт.

— Я его читал. В этом и есть независимость: перечень открыт, всё названо. Преступление, опубликованное в разделе «наши партнёры», перестаёт быть преступлением — оно становится отчётностью. Вы ищете, где кто-то нарушил закон. Не ищите: нарушать не потребовалось. Порядок не запрещён. Порядок запрещает.

Он выпил воды из бумажного стакана. Я смотрел на графин и на стакан и не мог назвать вслух связь, которую видел: в залах, которые я оплачивал, стаканы были стеклянными, и их мыли. Здесь мыть нечего — стакан не переживает встречи. Дешевле выдать новый. Это не экономия. Это ставка на одноразовость.

— Сертификат подписан. Кем?

— Кем? Тем, кого он заверяет. Смета не имеет лица — она имеет строки. Под строками подписи. Начните с моей.

Он передвинул лист через стол. Я подписал — второй раз за день, не читая, но теперь я знал, что подписываю. Разница между нанятым и проверяемым ровно такая: у подписи появился адресат.

— Что вы делали внутри?

— То же, что делает всякий, кто получал…

Запись прерывается техническим разрывом. Разрыв заверен.

Следователь остановил запись и вынул карту памяти — на моих глазах, аккуратно, как меняют инструмент. Положил её в конверт, заклеил.

«Никто меня не нанял. Меня наняла цепочка. У цепочки нет конца — у неё есть следующий подрядчик.»

Пометка на полях: второй раз за день человек протягивает руку туда, где должна быть причина, — и не находит. Первый раз — рука, которая легла на строку, как проверяют, есть ли под строкой ещё что-то.

О найме договорились не в переговорке. Ресторан менял название дважды за год — кухня и метрдотель не менялись. Мне не предлагали денег: мне поправили формулировку, и я был благодарен, что меня поправили, а не уволили. Телефон я положил на поднос у входа первым — не по правилу, по привычке: за столом остались только те, кто не проверяет. Документ подписали наутро. В нём было всё, кроме причины, по которой я согласился.

Объяснение окончено в 12:10. Продлений — два.

(далее — объяснение второе)

ОБЪЯСНЕНИЕ ВТОРОЕ. ФОРМУЛИРОВКА

Объяснение. Начато 15 апреля в 14:05. Об ответственности предупреждён.

На столе вместо карты памяти — две стопки бумаги: черновая запись стенографистки и чистовой протокол первого объяснения. Следователь кладёт их углами друг к другу — так я тридцать лет складывал сметы: числа к числам, подписи к подписям. Между стопками остаётся зазор — ровно на палец.

— Вы читали запись вчерашнего объяснения?

— Трижды.

— И?

— В ней нет ни одного моего слова в моём порядке. Порядок — тоже ремесло.

— Поясните.

— Из трёх верных фраз можно составить одну ложную последовательность. Исправлять придётся каждую фразу — и ни одну не исправишь.

— Вы подписывали документы, содержание которых не понимали?

— Я понимал содержание всех документов, которые подписывал. В этом моя проблема и моя специальность.

— Документ или формулировку?

— Формулировку. Документ составляет человек из другой команды. Формулировку привожу я. Тот, кто читает бумагу потом, видит документ. Я вижу решение, которое бумага отменила.

— Вас наняли за знание?

— Знание в моём деле — сырьё. Сырьё есть у всех. Наняли за порядок: при нём бумага становится верной и ни к чему не обязывает.

— Где этому учат?

— На первых трёх правках. Заказчик возвращает текст не потому, что он неверен, — потому, что он выразим. Неверное можно доказать. Выразимое — можно подписать.

— Вы научились писать невыразимо.

— Тридцать лет меня за это хвалили.

— Пример.

— Сказали: выжать. Я написал: оптимизировать.

— Дальше.

— Сказали: убрать. Я написал: обеспечить согласованность позиций.

— Дальше.

— Сказали: он больше не нужен. Я написал: в рамках реализации программы предусмотрено высвобождение ресурсов.

— Ни одного лживого слова?

— Ни одного. Проверьте любую — лжи не найдёте. Найдёте перевод.

* * *

Ресторан с белыми скатертями. Официантов больше, чем гостей.

Он уже сидит, разложил салфетку, заказал без меню два блюда. Я соглашаюсь. Телефона у него нет — он оставляет его всегда, когда идёт в ресторан: чтобы никто не беспокоил.

Говорим о погоде, о его дочери в Лозанне, о хлебе.

Кофе приносят после десерта. Он отодвигает чашку.

— Насчёт формулировки. Пиши про высвобождение. Не про сокращение — про высвобождение.

И тем же ровным голосом добавляет что-то про воду в Карелии.

Он уходит первым. На столе — крупная купюра, не считая.

* * *

— Вы лгали.

— Я не лгал ни разу. Это не защита — это квалификация.

— Докажите.

— Ложь оставляет след: её можно сравнить с фактами. Перевод следов не оставляет — он сравнивается только с тем, что было сказано. А сказанное не документируется. Ужин не архивируется.

— Кто определял, что сказать?

— Машина. Не в единственном числе — не просите меня назвать её в единственном числе, этого числа нет.

— Как она говорит?

— Язык в машине не произносится — он воспроизводится. У нас не было совещаний о словах: слова приезжали из соседних бумаг. Формулировка из одного отчёта становилась интонацией в другом и нормой в третьем.

— Совпадение формулировок — случайность?

— Сговор отличается от рынка тем, что у рынка совпадают цены, а у сговора — формулировки. Совпадали потому, что их писали одни и те же руки — на разных контрактах, за разные деньги, для разных заказчиков. Руки не знали друг друга. Руки знали приём.

— Продолжайте.

— Я начинал с правок чужих текстов. Потом писал свои. Потом — чужие с моим именем. Потом — правила для тех, кто будет писать вместо меня. Последний рубеж ремесла — методичка.

— Что это?

— Документ, который учит следующего человека писать так, как я, не встречаясь со мной. Я оставил в машине не следы. Я оставил методички.

* * *

Кабинет наставника. Окно на двор, на подоконнике заварник с треснувшей ручкой.

Он кладёт передо мной два листа лицом вверх — как раскладывают карты. На первом написано то, что произошло. На втором — то, как это написано в бумаге.

— Правду пиши для протокола. Двусмысленность пиши для машины.

— Чем они отличаются?

Он переворачивает оба листа. Под каждым — одна и та же копия: страница с одной подписью.

— Отличие не в них. Отличие в подписи. Она одна.

Мы пьём чай. Он убирает всё в нижний ящик. Спрашивать второй раз у него нельзя — это я узнаю не из слов: за год я не видел, чтобы в его кабинете кто-нибудь переспросил.

* * *

— Через год его не стало на работе: завтрашнее согласование вышло без его фамилии, и никто в коридоре не удивился. Нижний ящик я открыл потом сам. Он был пуст.

ВЫПИСКА ИЗ МЕТОДИЧЕСКИХ РЕКОМЕНДАЦИЙ (реконструкция)

«…по итогам обсуждения признано целесообразным продолжить работу в рамках существующей конфигурации. Участники высказались за дальнейшее развитие сотрудничества. Формулировки итогового документа согласовать с профильными подразделениями. Освещение — по согласованию. Согласование — по освещению…»

Источник: аналитический документ, приобщён к материалам проверки. Конец выписки — по месту обрыва подлинника.

— В последний год я готовил бумагу, в которой мы были за то, чтобы…

Запись прерывается. Второй раз за проверку. Разрыв заверен.

— Продолжайте.

— Я остановился сам — не по приказу. После начала всегда есть точка, в которой дальше просится перевод. Тридцать лет я делал паузу в этом месте. Впервые пауза раздалась в чужой комнате — и комната её не проглотила.

* * *

Осень. Лестница между четвёртым и пятым — там форточка, и мы курим в неё вдвоём, чтобы не заметили.

Он задаёт вопрос про смету — короткий, вслух.

— Не моё, — говорю я. Пожимаю плечами.

Две недели спустя. На лестнице дым один.

На завтрашнем согласовании нет его фамилии. Бумагу о снятии писали его же манерой — я узнаю ритм, как узнают шаги за стеной. Подпись под бумагой — его собственная: он подписал своё снятие, не читая. Так подписывал всё.

Я докуриваю и возвращаюсь к столу. На лестнице с тех пор спрашивают только о погоде.

* * *

Следователь перечитал начатую строку вслух — дословно, как читают вслух запись, а не человека: «в которой мы были за то, чтобы». Он записал её в протокол. Его рука не остановилась на конце строки. Она пошла дальше и вывела: «заинтересованность в обеспечении устойчивости результата». Он не поднял глаз. Так оформляют: в бумаге не бывает начатой строки.

— Проверьте протокол. Первая половина фразы — моя. Вторая — тоже моя, хотя я не произнёс ни слова.

Он перечитал страницу. В первый раз за проверку он сравнил сказанное с написанным — и оба документа лежат в одной руке.

— Кто это сделал с записью?

— Вы. Это не обвинение — это демонстрация. Из записи не убирают — запись пишут сразу второй половиной. Черновик вы называете черновиком, потому что он ошибочен. Он не ошибочен: он просто не предназначен для бумаги. Вы перевели меня тем же движением, которым тридцать лет переводил я. Я увидел жест со стороны — впервые.

— Заметьте: вы не продолжали по инструкции. Вы продолжили сами. Машина не обязывает — она исключает неудобное действие. Самый короткий путь к нужной бумаге — рука, которая пишет её, не спрашивая. Я знаю этот путь: я его вымостил.

Он раскрыл папку с описью и вслух сверил: носитель записи первого объяснения — в конверте, опечатана, значится под описью. Он взял конверт, повернул, прочитал подпись на заклейке — свою собственную. Не вскрыл. Положил на место и закрыл папку раньше, чем рука успела решить.

— В черновой записи стенографистки сказанное есть. В чистовой — его нет. Какой из документов лжёт?

— Ни один. Черновой верен тому, что было сказано. Чистовой — тому, что должно стоять в бумаге. Между ними — перевод. Вы только что видели перевод изнутри: пять минут назад вы сделали его руками. А конверт вы не вскрыли.

— Вскрытие требует основания.

— Основания в инструкции нет — и не будет: инструкция писалась не для вскрытого конверта. У вас нет основания вскрыть карту памяти. У меня нет основания остановить машину. Мы в одной инструкции — и я умею её писать лучше вас.

Пометка на полях: первый вариант есть на носителе. В чистовой записи его нет. Совпадает только та запись, в которой первый вариант уже не произносился. Переводил и здесь. Рука не установлена. Я не знаю, моя ли.

— Зачем вы это рассказываете?

— Потому что вы записываете. Тридцать лет я писал бумагу, которую никто не перечитывал вслух, мне в лицо. Пусть продлится, пока не оборвётся.

(показания обрываются)

Объяснение окончено в 12:25. Продлений — два.

(далее — объяснение третье)

ОБЪЯСНЕНИЕ ТРЕТЬЕ. ГАЛЕРЕЯ

Объяснение. Начато 16 апреля в 11:40. Об ответственности предупреждён.

— Опишите людей, с которыми вы работали.

— Не людей — манеры. В машине я встречал не лица, а способы подписывать. Лица менялись, способы — нет.

— Сколько их?

— Четыре.

— Первая.

— Профи. Настоящий эксперт: его подпись стоит на бумагах, которые выдержат любую проверку, потому что он пишет только то, что умеет доказать. Машина не платит ему за ложь — машина платит ему за молчание о том, чего он не написал. Он честен внутри своей области — и не замечает, что его честность — сертификат чужой бумаги.

— Самый ценный?

— Самый частый.

* * *

Кулуар после секции. Он стоит у кофейного столика с чашкой, которую не пьёт, — пока журналист не уходит.

Журналист задаёт вопрос. Он отвечает долго, с фамилиями и датами, ровной интонацией — так зачитывают выводы, не мнения. Журналисты кивают и записывают.

Я стою в трёх шагах. За его спиной, у окна, переговариваются двое; один записывает в блокнот.

Журналист уходит. Он ставит чашку на стол — полную.

* * *

— Через месяц по его цитатам согласовали назначение. Он так и не понял, почему его цитаты выходят так гладко: их писали за его спиной, пока он разливал кофе.

— Вторая.

— Верующий. Он искренен — это не ирония, это квалификация: он действительно верит. Ему дают грант — он видит поддержку науки. Ему дают место в совете — он видит признание. Он никогда не соврёт, и именно поэтому его зовут на камеры.

— Машина его купила?

— Машина его не покупает. Машина с ним совпадает. Совпадение дешевле подкупа и не оставляет следов.

* * *

Зал с колоннами, позолота потёртая по краям.

Спонсор вручает ему премию — жмёт руку и держит на секунду дольше, чем нужно. Верующий плачет: трижды моргает и поворачивается к залу. Слёзы настоящие — я умею отличать.

Банкет. Он садится рядом.

— Наука наконец дождалась признания, — говорит он.

Я ем и киваю.

* * *

— Через год фонд, чьё имя стояло на дипломе, закрылся. На том же этаже открылся новый — с другой вывеской и тем же бухгалтером. Верующего перевели без единой бумаги — между обедом и совещанием.

— Он понял?

— Он по-прежнему уверен, что премию дали за науку.

— Третья.

— Карьерист. Он не верит и не лжёт: он делает карьеру на совпадении интересов. Он знает, что подписывает. Он не знает, что подписанное складывается с другими подписями в целое. От целого он бы отказался. Он его не подписывал — он подписывал своё.

* * *

Его кабинет. Стол, лампа, справа — папка, следующая.

Он подписывает не поднимая глаз: рука ложится на строку, ручка делает росчерк, рука идёт дальше.

Я приношу свою бумагу и стою, пока он подписывает три чужих. Моя уходит в стопку между ними — белая полоска среди белых полосок.

— Вы знаете, что подписали?

Он поднимает глаза — единственный раз за визит. Смотрит. Ничего не говорит. Опускает взгляд и придвигает к себе следующую папку.

На прощание не встаёт. У меня за спиной уже стоит следующий, со своей папкой: к нему приходят.

* * *

— Четвёртая манера не имеет имени. Он не приходит — он оказывается рядом: в кулуаре, у буфета, на выходе из зала. Он не произносит просьб и не открывает папку. Утром подпись стоит. В описи его нет: у него нет подписей — у него есть чужие. Я не знаю его фамилии. Я знаю его походку: шаг без спешки, потому что некуда торопиться — решение уже принято, подпись догонит.

* * *

Буфет после секции. Селёдка на блюде, стаканы, хлеб на бумажке.

Он стоит у окна со стаканом водки и выпивает одним движением — так пьют те, кто не собирается оставаться.

Ни с кем не разговаривает. Я стою рядом минуты три — он не говорит ни слова. Когда я отхожу, он смотрит вслед — так, как смотрят на помеху в коридоре.

* * *

— Утром в программе секции стояла поправка: доклад снят, время перераспределено. Совещания никто не вспоминал, потому что его не было. Я проверил список обсуждавших — его фамилии там не было. Поправку внесли между девятью и десятью: в это время в здании его не было. Подпись догнала его к вечеру — я видел курьера, который искал его по этажам с папкой под мышкой.

* * *

Кухня, раннее утро, окно на восток. Она стоит спиной, наливает кофе.

Я перечитываю вслух проект формулировки. Она слушает иногда, чаще — нет.

Я дочитываю абзац и слышу смех — тихий, в плечо.

— Ты похож на диктора, — говорит она.

— В чём?

Она отвечает не сразу, глядя в окно:

— Ты умеешь говорить про всё. Про нас — ни разу.

В чайнике закипает вода; щелчок встаёт между нами.

Она выпивает кофе и уходит собираться. За завтраком мы оба молчим.

вдовец. Рука неясная

* * *

Шесть недель — ни одного слова. Я беру его запястье и ставлю руку на папку. Показываю, как ставить телефон: экраном вниз, краем к краю стола. Он делает медленно; я жду, не поправляя.

На седьмой неделе он приносит первую бумагу — сам, без напоминания. Я читаю её стоя и узнаю в каждой строке то, чему учил: не жест — формулу.

Я отдаю лист обратно. Он кивает, как будто мы обо всём договорились заранее.

* * *

— Учил молча — выучилась вслух. В машине нет учеников. Есть следующий подрядчик.

— Вы называете это галереей.

— Это галерея. Ни одного портрета — одни манеры. Портреты выдумывают писатели; машина не оставляет материала для портретов. Заметьте: вы не спросили ни одной фамилии — потому что не могли. Я не знаю ни одной. Тридцать лет — и ни одной фамилии. Не потому, что забыл. Потому что не запоминал: в машине запоминают не людей, а порядок их подписей.

— Заговорщик?

— Заговорщик — не один. Заговорщик — все, кто подписал. Я подписал. Вы подпишете — не это, что-нибудь, свою графу. Это не оправдание. Это состав.

* * *

Парная. Доски, дверь без щеколды, ковш на полке.

Напротив сидит человек, которого я не знаю. Он выливает ковш на камни: пар встаёт стеной, дышать нечем.

— Надо двигаться, — говорит он сквозь жар.

— Куда?

— Деньги двигаются — двигай их первым.

Выходим по очереди: он, потом я. Во дворе пьём квас из бочки и ни о чём не говорим.

* * *

— Я не спросил, чьи деньги. Через месяц вышел регламент о переводе остатков между счетами перед закрытием квартала — за восемью подписями. Ни одного слова из парной в него не вошло. Двигались деньги.

ВЫПИСКА ИЗ ОТЧЁТА О КОНФЕРЕНЦИИ (реконструкция)

«…конференция проводилась при поддержке [наименование фонда]. Список участников прилагается. В заключительном документе отмечена необходимость консолидации экспертного сообщества. Отдельные выступления вызвали дискуссию, что свидетельствует о научной дискуссионности поднятых вопросов…»

Источник — отчёт о мероприятии, приобщён к материалам проверки. Список участников к выписке не прилагается: в материалах проверки его нет.

(показания обрываются)

Объяснение окончено в 11:45. Продлений — два.

(далее — объяснение четвёртое)

ОБЪЯСНЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ. КАССА

Объяснение. Начато 21 апреля в 11:00. Личность установлена. Об ответственности предупреждён.

На столе — новая папка, тоньше прежних. Следователь достаёт лист, где числа набраны крупно, а объяснения к ним — в сносках.

— Откуда деньги машины?

— Из сметы.

— Откуда смета получает деньги?

— Из того же места, что всё остальное. Из водопровода.

— Объясните.

— Деньги мира идут одним водопроводом. Наверху кран: центробанки печатают, и дешевле всего деньги достаются тем, у кого уже есть. Владелец актива платит фонду, фонд — институту, институт — подрядчику, подрядчик — мне. Я — последний кран. Дальше вода уходит в землю.

— Вы сравниваете деньги с водой.

— Вы сравниваете деньги с кражей. Я отвечаю точнее.

— Прочитайте сводку. Первую строку.

СВОДКА ПО БАЛАНСАМ (реконструкция)

«Совокупное состояние богатейших: 18,3 трлн.

Прирост за один год: 2,5 трлн.

Равно совокупному состоянию 4,1 млрд беднейших жителей.

Совпадение объясняется формулой. Формула законна.»

Источник — ежегодный отчёт международной правозащитной организации. Выжимка обрывается на четвёртой строке: дальше идут названия. Названий много.

Пометка на полях: водопровод.

* * *

— Это и есть кража?

— Деньги не крали. Деньги стекают. Кражу ищут. Течение — нет.

Он записал слово «стекают» и не подчеркнул его. Я заметил и это: подчёрк перестал быть вопросом.

— Как вы получали своё?

— Как все в машине: не из рук — из кассы.

— Опишите кассу.

* * *

Конец месяца. Касса на первом этаже. Стекло по локоть, окошко, крючок для передачи.

— Следующий, — говорит за стеклом.

Женщина в синей накидке отсчитывает купюры по счёту — губами, не глядя. На столе у неё стопка ведомостей.

— Подпишите.

Ведомость: фамилия, сумма, строка. Подпись ставится быстрее, чем читается сумма, — рука знает своё место.

— Получили?

— Получил.

Конверт остаётся у неё. Мне отдают деньги и корешок: сумма, дата, подпись. Корешок я выбрасываю в урну у лестницы.

* * *

— Ведомость — это документ?

— Ведомость — это подпись под кассой. Касса не выдаёт деньги — касса подтверждает, что деньги прошли. Тридцать лет я подписывал чужие ведомости. Свой корешок я выбрасывал — единственная бумага в моей жизни, которую я уничтожал сразу.

Пометка на полях: касса не выдаёт — касса подтверждает.

— Двести тысяч в месяц?

— По смете. Смету подписывал не я — я её получал. Разница между этими двумя глаголами и есть нанятый.

— Кто держал смету?

— Машина.

— Она существует?

— В единственном числе не спрашивайте. Смета — это способ, которым деньги находят свои строки.

* * *

Вечер. Ресторан с тёмными скатертями — после переговорок скатерти всегда тёмные.

Официант приносит счёт в папочке, лицом вниз.

Он отодвигает папочку двумя пальцами, не глядя.

— Уже закрыто? — спрашиваю я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.